

В воскресенье потеплело, и на улицах все как один переоделись в легкую летнюю одежду. Цяо Юаньлинь наконец надел белую футболку с коротким рукавом. Под чистой тканью слегка проступали лопатки, и стоило подуть ветру, он становился похож на бумажного змея в виде бабочки, готового взмыть ввысь. Взмывать по ветру он, конечно, не собирался. Устав к тому моменту, как дошел до переуллка, он махнул рукой и поймал такси.

Жилой комплекс «Боюйюань», расположенный неподалеку от центра города, считался элитным кварталом. Говорили, будто восемьдесят процентов его жильцов — высокоинтеллектуальная элита. Оставшиеся двадцать процентов приходились на их детей, которые учились либо в лучших городских школах, либо в престижнейших частных лицеях. Здесь даже у мусорных баков можно было невзначай помериться дипломами.

На памяти Цяо Юаньлиня его отец, Цяо Вэньюань, никогда не отдыхал полноценные выходные. Если воскресенье выдавалось свободным, утро он обязательно проводил в тренажерном зале жилого комплекса.

Лифт остановился на двенадцатом этаже. Мысленно надеясь, что дома никого нет, он набрал на замке код.

Однако надежды не оправдались. В гостиной работал телевизор: Цяо Вэньюань бежал по дорожке, посматривая новости, и, услышав щелчок замка, нажал на паузу.

Цяо Юаньлинь застыл в прихожей и бросил:

— Это я.

Цяо Вэньюань утер пот. Последние пару дней в тренажерном зале обслуживали оборудование, поэтому он бегал дома. Благодаря постоянным тренировкам его поджарое телосложение оставалось в идеальной форме.

Сойдя с беговой дорожки, Цяо Вэньюань сел на диван. Цяо Юаньлинь, который тоже успел захотеть пить с дороги, подошел и налил себе стакан воды.

Отец и сын не виделись уже больше недели. Дождавшись, пока дыхание выровняется, Цяо Вэньюань спросил:

— Пришли результаты SAT?

Цяо Юаньлинь случайно стукнулся передними зубами о край стакана. Стало больно. Он поставил стакан, облизнул губы и ответил:

— Тысяча пятьсот пятьдесят.

При максимуме в тысячу шестьсот баллов Цяо Вэньюань заметил:

— Отличный результат.

Цяо Юаньлинь хмуро процедил:

— В тот день вы как раз оформляли развод, так что я был полон вдохновения.

— Нравится тебе это или нет, но мы с твоей матерью разошлись, — ровным тоном произнес Цяо Вэньюань. — Это факт, который тебе придется принять.

Лицо Цяо Юаньлиня напряглось. Он не высказал ни единого возражения, ни разу не выразил протест — как еще он должен это принимать?

— Я понимаю, что тебе тяжело на душе, — продолжил Цяо Вэньюань. — И поэтому не заставляю тебя возвращаться от бабушки. Главное —

— Главное, чтобы это не сказывалось на учебе, — перебил Цяо Юаньлинь.

— Рад, что ты сам все понимаешь.

Цяо Юаньлиню совсем не хотелось выслушивать нотации, и он направился к себе в комнату.

— Ты не принес домой результаты еженедельного теста? — спросил отец.

— Нет, — отозвался Цяо Юаньлинь. — Я пришел позаниматься на пианино. Как закончу — сразу уйду.

Цяо Вэньюань вспомнил о чем-то еще:

— Слышал, у вас сменился классный руководитель. Говорят, довольно известный педагог.

Цяо Юаньлинь совсем забыл: теперь отец остался его единственным опекуном и сменил Линь Чэнби в родительском комитете, так что, разумеется, знал обо всех новостях.

Не прошло и десяти минут с его возвращения домой, а настроение уже опустилось на дно Марианской впадины.

В комнате было убрано. Цяо Юаньлинь вымыл руки и сел за инструмент. Смешно сказать: он начал учиться музыке еще до того, как научился пользоваться палочками для еды. Они занимались в одном классе с Яо Фу, и с тех пор на каждом семейном празднике их непременно заставляли играть в четыре руки.

Вскоре в комнату вошел Цяо Вэньюань. Он положил на стол банковскую карту и пакет с лекарствами:

— На карте десять тысяч юаней, передай бабушке. Раз уж мы с твоей матерью развелись, финансовые дела нужно вести отдельно. Лекарств здесь на полмесяца, чтобы не прерывать курс, когда закончатся старые.

— Хорошо, — ответил Цяо Юаньлинь.

Семья заметно поредела, и постоянную домработницу сменила приходящая прислуга.

— Входил в холодильник, там есть готовая еда, — добавил Цяо Вэньюань. — Если проголодаешься в обед, просто разогрей.

— А ты разве не будешь? — спросил Цяо Юаньлинь.

— Во второй половине дня у меня пациент, нужно возвращаться в больницу.

Цяо Юаньлинь расслабил запястья, и его пальцы с глухим стуком опустились на клавиши, издав тяжелый, нестройный звук.

Цяо Вэньюань нахмурился и строго наказал:

— Не ввязывайся в неприятности на улице и после школы сразу возвращайся домой. В районе улицы Чанлинь полно приезжих, которые снимают жилье. Там кого только не встретишь.

Цяо Юаньлинь повел бровью:

— Да кого, например?

— Всякий подозрительный сброд, — ответил Цяо Вэньюань. — Пару дней назад к нам привезли нескольких малолетних хулиганов. Совсем еще зеленые, а вместо учебы шляются по ночам где попало, курят, пьют, дебоширят. Подрались так, что живого места на них не осталось — все в крови.

— И чем они дрались? — поинтересовался Цяо Юаньлинь.

— Палками, ножами для фруктов. Их полиция сопровождала. В коридоре приемного покоя у них отобрали целую гору железок — орудия преступления, проще говоря.

— И... — протянул Цяо Юаньлинь, — как они выглядели?

— Да как еще? Сразу видно — отпетые головорезы, к таким лучше не соваться.

После полудня солнце нещадно палило. В комнате, выходящей на солнечную сторону, стояла страшная духота. Лян Чэн сидел за столом, изучая какие-то материалы. Капля пота скатилась с его виска и разбилась о столешницу, оставив мокрый след.

Как бы сильно ни пекло солнце, он никогда не задергивал шторы.

Дочитав последнюю страницу, Лян Чэн почувствовал, что его футболка совсем взмокла от пота. Он решил принять душ и вышел на балкон, чтобы снять с сушилki чистую смену белья.

Опустив взгляд, он посмотрел вниз. Случайный взор выхватил белое пятнышко, которое с черепашьей скоростью пробиралось сквозь густые тени деревьев в переулке.

Цяо Юаньлинь возвращался после занятий музыкой. По дороге он заглянул в супермаркет, чтобы пополнить припасы, так что теперь в левой руке тащил пухлый пакет со всякой всячиной, а в правой нес рожок мороженого, стараясь держаться в тени раскидистых ветвей.

Когда он дошел до ателье ципао, спасительная тень закончилась, да и мороженое к тому моменту уже было съедено. Цяо Юаньлинь с досадой поднял голову к небу и вдруг удивленно распахнул глаза.

На балконе стоял Лян Чэн. Цяо Юаньлиню показалось — хотя, возможно, это было лишь иллюзией, — что на лице парня отразилась какая-то сложная гамма чувств и даже легкий... испуг?

От пристального взгляда у Цяо Юаньлиня зачесались глаза, и он быстро заморгал.

Лян Чэн окинул взглядом выставленные на полке цветочные горшки, сорвал один бутон и бросил вниз. Цветок, кружась, полетел к земле, и Цяо Юаньлинь ловко поймал его на лету.

Это был маленький белоснежный цветок с нежным ароматом. Задржав голову, Цяо Юаньлинь спросил:

— И что это значит?

— Дарю, — отозвался сверху Лян Чэн.

— Что за цветок?

— Байгоухуа, — ответил Лян Чэн.

— А ну прыгай сюда, если смелый! — разозлился Цяо Юаньлинь.

Лян Чэн притворился, что не расслышал, снял пару вещей с сушилки и вернулся в ванную.

В ушах Цяо Юаньлиня все еще звучали предостережения отца. Теперь у тех самых «плохих парней» появилось вполне конкретное лицо. Он с силой толкнул дверь ателье, отчего Ван Жуйчжи испуганно вздрогнула.

— Бабушка, ну и кому ты сдала комнату? — возмутился Цяо Юаньлинь.

Ван Жуйчжи, покосившись на его огромный пакет, лишь заметила:

— Поменьше бы ты ел всякой гадости.

— Чем он вообще занимается? Ты хоть разузнала?

— Без понятия, — отмахнулась Ван Жуйчжи. — Знаю только, что Сяо Лян любит чистоту, дом мой бережет, помогает запирать и отпирать двери, прибирается. Да и собой хорош, красавец.

— Но он же... — не сдавался Цяо Юаньлинь.

— Ох, совсем забыла сказать, — перебила его Ван Жуйчжи. — Водонагреватель на втором этаже барахлит. Минут через тридцать вода остывает, так что распределите время между собой.

Цяо Юаньлинь с детства плохо переносил холод, поэтому, услышав это, тут же поспешил наверх.

Однако по пути им овладели сомнения. Всю эту неделю он мылся первым и торчал в ванной стабильно около получаса. Неужели Лян Чэн все это время мылся под холодным душем?

Быть такого не может.

Дверь в ванную была закрыта. Цяо Юаньлинь постучал:

— Ты собираешься мыться?

— Заходи.

Цяо Юаньлинь приоткрыл дверь. Лян Чэн стоял к нему спиной прямо перед душевой кабиной. Скрестив руки, он как раз стягивал через голову футболку, обнажая спину, покрытую сетью переплетенных шрамов.

Сбросив одежду, он повернулся лицом:

— Что-то случилось?

Цяо Юаньлинь мгновенно забыл все, что собирался сказать. Крепко вцепившись в дверную

ручку, он спросил:

— Что у тебя со спиной? Откуда это?

Словно эти раны никогда не причиняли ему боли, Лян Чэн небрежно бросил:

— Уж точно не щенок поцарапал.

Лян Чэн не любил сушить волосы феном. Закончив мыться, он накинул на голову влажное полотенце и открыл дверь.

Цяо Юаньлинь стоял прямо на пороге, вытянувшись в струнку и сверля его немигающим взглядом. Они молча буравили друг друга глазами какое-то время. Лян Чэн подумал, что этот малец на редкость упрям.

— Твои... — первым нарушил молчание Цяо Юаньлинь. — Откуда все-таки эти шрамы на спине?

— А тебе-то что? — отозвался Лян Чэн.

— Ты снимаешь у нас жилье, и я должен быть уверен, что ты...

— Что я «что»? — прищурился Лян Чэн.

Цяо Юаньлинь почему-то оробел и понизил голос:

— Что у тебя нет проблем с законом.

Лян Чэн перестал вытирать волосы. Схватив полотенце, он резким движением сдернул его с плеч и встряхнул. В воздухе взвесью повисли мелкие брызги.

— И какие же именно проблемы тебя беспокоят? — с вызовом спросил он.

— Ну, например, драки.

— Твоя логика хромает, — заметил Лян Чэн.

Участие в драках действительно оставляет отметины. Однако причин для появления шрамов может быть великое множество, и делать из их наличия однозначный вывод о криминальном прошлом — как минимум поспешно.

Цяо Юаньлинь не собирался втягиваться в бесполезный спор и вернулся к главному:

— И все же, откуда они?

Лян Чэн усмехнулся про себя: из этого мальчишки определенно вышел бы неплохой репортер. В узком коридоре он сделал шаг навстречу и негромко вздохнул. Цяо Юаньлинь весь обратился во слух, ожидая ответа.

— Ладно, так и быть, расскажу, — с грустной миной произнес Лян Чэн.

Цяо Юаньлинь согласно кивнул. Почему-то в этот момент на лице Лян Чэна ему почудилась тень глубокой печали.

— Когда-то давно меня обижали плохие люди, — со вздохом поведал Лян Чэн.

Цяо Юаньлинь растерянно моргнул:

— А?..

<http://bllate.org/book/18284/1753018>